УДК 82-84

Мнимая истинность, или Как происходит провербиальный перформанс

Анастасия А. Гавриленко
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, bylavsmolence@gmail.com

Аннотация. В данной работе автор обращается к проблеме идентификации высказывания, произнесенного в спонтанной устной речи, как провербиального. По ее мнению, не количество фиксаций в словарях задает провербиальность изречения, а определенные признаки и условия (коммуникативные константы и конвенции), которые участвуют в создании провербиального перформанса.

Особое внимание в статье уделено коммуникативным константам – авторитетности и истинности. Авторитетность задается «правильной» организацией пословиц (параллелизмом, метафоричностью, ритмом, рифмой и др.). Однако такая структурированность обеспечивает и другую константу, навязанную и в то же время востребованную, – истинность. Из-за устоявшегося мнения о пословицах как о «гласе народа» или «зеркале народной мудрости» они в речи звучат самодостаточно и не требуют доказательств. Тем не менее явление контрадикции, которое проявляется и при употреблении паремий, и в самом провербиальном пространстве, говорит о мнимости явления истинности. Несмотря на это, указанные коммуникативные константы позволяют провербиальному перформансу осуществиться.

Коммуникативные конвенции, в свою очередь, проявляются в способности говорящего употреблять паремии к месту, сопоставляя элементы текстовой реальности с элементами ситуации. Такая возможность связана с пониманием семантики самих провербиальных высказываний. Также надо учитывать тот факт, что их произнесение регулируется и социальными факторами.

Ключевые слова: паремиология, паремии, пословица, провербиальный перформанс, авторитетность, истинность

Для цитирования: Гавриленко А.А. Мнимая истинность, или Как происходит провербиальный перформанс // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 4. С. 25–39.

© Гавриленко А.А., 2019

Imaginary truth value, or How Proverbial Performance unfolds

Anastasiia A. Gavrilenko
Saint Petersburg University,
Saint Petersburg, Russia, bylavsmolence@gmail.com

Abstract. This paper appeals to the identification problem of used in spontaneous speech utterance as proverbial. In author's opinion, it is not fixation in dictionaries that sets proverbiality of a statement but certain features and conditions (constants and conventions), that take part in creating proverbial performance.

Special attention is devoted to communication constants, credibility and truth. 'Straight' organization (parallelism, metaphoricity, rhythm, rhymesets, etc.) sets credulity of proverbs. By the way, such structuredness provides another constant – truth, which is enforced and in-demand at the same time. Because of well-established opinion of proverbs (they are the voice of the people and mirror of folk wisdom), they sound persuasive and do not need evidence while used in speech. Nevertheless, contradiction both in the situation of using proverbs and in the proverbial space itself argues seeming of truth. Despite this, communication constants the author is saying about let proverbial performance happen.

Communication conventions, in their turn, appear in the speaker's possibility of using a proverb in place, that is of matching elements of textual reality with elements of situation. Such opportunity is connected with understanding semantics of proverbial utterances themselves. It is important to take into account that social factors regulate their using too.

Keywords: paremiology, proverbs, proverbial performance, credibility, truth

For citation: Gavrilenko AA. Imaginary truth value, or How proverbial performance unfolds. *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*. 2019;4:25-39.

Пословица выражает
скорее относительную,
чем абсолютную правду.

Б. Кершенблатт-Гимблетт.
К теории провербиального значения[1]

Введение

Большинство исследователей при изучении провербиальных текстов используют данные словарей с отобранными пословицами и поговорками, в которых отсутствуют паспортные данные или приводятся в лучшем случае примеры из художественной литературы[2]. При этом инструменты, позволяющие вычленять то или иное высказывание из спонтанной речи и относить его к группе пословиц или поговорок, до сих пор не были четко сформулированы. Неясно, кто и как присуждал выражению статус провербиального и каким образом оно (выражение), прозвучавшее в спонтанной или, наоборот, подготовленной речи, было распознано, а затем вычленено из коммуникативного потока (и было ли).

В представленной работе будет предпринята попытка посмотреть на провербиальные высказывания как на речевые действия. Задача состоит в том, чтобы понять, за счет чего совершается провербиальный перформанс и какие существуют признаки, маркирующие высказывание как пословицу или поговорку в спонтанной речи. Как отмечала Е.Е. Жигарина, жанр паремии – категория коммуникативная [4]. Лишь ситуация, актуальная и сиюминутная, определяет жанр паремиологического высказывания.

Провербиальный перформанс

Изучение провербиальных высказываний в потоке устной речи ставит исследователя перед проблемой сложности распознавания малых форм фольклора. Е.Е. Жигарина, анализировавшая бытование пословиц в спонтанной речи, столкнулась с высказываниями-новообразованиями, носящими единичный характер, то есть такими, которые не нашли своего текстового аналога в сборниках пословиц и поговорок. Например: «Лучше

[1] ...it expresses relative rather than absolute truths... [Перевод мой. – *А. Г.*].
[2] См., например [1–3].

утонуть в сале, чем разбиться на костях; Хорошая книга всегда потрепана». Несмотря на тот факт, что эти выражения не являются общеупотребительными и узнаваемыми и что они не подверглись социальной цензуре [5], по мнению Е.Е. Жигариной, их можно и нужно относить к провербиальному жанру. Исследовательница пишет: «...если текст в ситуации соответствует структурно-семантическим критериям пословицы, то в данном контексте произнесения он будет пословицей» [4 с. 75]. Приведенные примеры высказываний можно отнести к одному из четырех выделенных Г.Л. Пермяковым [6] логико-семиотических инвариантов: *Лучше утонуть в сале, чем разбиться на костях* – «Если одна вещь обладает каким-то (положительным свойством), а вторая не обладает им, то первая вещь предпочтительнее второй»; *Хорошая книга всегда потрепана* – «Если вещь обладает каким-то свойством, то она обладает и другим свойством». Обе фразы также являются аподиктическими суждениями: их семантика придает им достоверный статус.

Исследование записей употребления пословиц и поговорок в спонтанной речи, позволившее познакомиться с новообразованиями, раскрыло одну из составляющих провербиального перформанса – наличие определенных сигналов, помогающих идентифицировать то или иное высказывание как пословичное изречение. Е.Е. Жигарина показала, что к ним относятся логическая структура и семантика. Однако маркером опознавания паремии служит и их поэтика. По мнению Ш.Л. Ароры [7], провербиальность создается посредством признаков, внутренне присущих пословицам, как то: метафоричность, ритм, параллелизм и т. д. Исследовательница провела опрос: респондентам предлагалось распределить на три группы двадцать пять пословиц (известная пословица, возможная пословица и не пословица), среди которых лишь две были настоящими изречениями, а двадцать три – составленными специально для исследования. Результаты показали, что «псевдопословицы» воспринимаются опрашиваемыми наравне с истинными, что говорит о явной значимости оформляющих высказывание признаков. Слыша незнакомое клишированное изречение, собеседник ориентируется на присущие пословицам признаки, посредством чего у него может возникнуть мнимое узнавание (“false recognition”).

Ш.Л. Арора указывала на то, что «*действительный* возраст и *действительная* распространенность малозначительны и при первоначальном восприятии, как видится, совершенно не известны. Для успешного провербиального перформанса важно и существенно то, что вызывающее сомнение высказывание, очевидно, было произведено не говорящим и что оно принадлежит к категории “говорят”,

а не “я говорю”»[3] [7 p. 8]. Именно упорядоченность, которая, стоит отметить, свойственна всем фольклорным жанрам [8], маркирует речь как чужую. Таким образом, любое структурированное высказывание, соответствующее представлению о паремиях, относится к рубрике «говорят», «говорится», а значит, определяется как известное и общеупотребительное. Думается, что в данном случае важно не то, что за употребленной провербиальной фразой стоит фиксация в многочисленных словарях, а то, что ей имманентно присуща определенная упорядоченность: структурная и семантическая узнаваемость происходит не на уровне содержания, а на уровне формы. Поэтому провербиальным высказывание становится непосредственно в момент произнесения. Даже если употребление выражения носило единичный характер, существенным является то, что провербиальный перформанс состоялся и был осуществлен тактический ход.

Момент идентификации определенного высказывания как пословицы или поговорки является важным этапом осуществления провербиального перформанса. Какой бы строго организованной ни оказалась фраза, слушатель может, во-первых, не уловить сигналов провербиальности, а во-вторых, не владея в полной мере провербиальным кодом, не распознать ее смысл. Когда узнавание произошло, возможность осуществления провербиальной тактики задается наличием коммуникативных констант и соблюдением коммуникативных конвенций. Коммуникативные константы – авторитетность и истинность – являются основанием, позволяющим говорящему придать своей речи неопровержимость и весомость. Суггестия обусловлена оперированием именно этими понятиями, априори подразумеваемыми. Коммуникативные конвенции связаны, в свою очередь, с основополагающей функцией пословиц и поговорок – моделирующей, обозначенной Г.Л. Пермяковым. Возможность употребления паремии определяется ее семантикой и способностью говорящего приложить ее к конкретной ситуации.

[3] “*Actual* age and *actual* currency are of little significance, and in an initial hearing are obviously completely unknown. What is [во всех случаях курсив источника мой. – *А. Г.*] significant, and essential to the success of any proverb performance, is evidence that the utterance in question was ‘not made up' by the speaker; that it belongs to the category of 'they say”, not “I say’ ” [Перевод мой. – *А. Г.*].

Коммуникативные константы

В самых ранних трудах, посвященных изучению пословиц, исследователи обращали внимание на особую поэтичность этих фольклорных жанров и наличие в них архаичных черт [9–14]. Синтаксический параллелизм, ритм, рифма и устаревшие слова – эти особенности, безусловно, маркируют такого рода высказывания в спонтанной речи.

Дж. В. Дю Буа, анализируя ритуальную речь, показал, что ей свойственны четыре признака: 1) комплементарность (наличие архаических элементов, заимствований, иносказаний и метафор), 2) ограниченный характер (беглость речи, фиксированная интонация), 3) параллелизм на уровне звуков, грамматики и значения и 4) медиация, которую исследователь понимает как «передачу послания через дополнительное звено (или звенья), так что просто взаимодействие говорящего и слушающего усложняется» [15 с. 208]. Перечисленные признаки понижают контроль говорящего за высказыванием, делая его (высказывание) самоочевидным, то есть таким, где «...указание на эвиденциальность (или на авторитет) содержится в самом высказывании» [15 с. 211]. Такого рода указание присуще и провербиальному жанровому комплексу. Ритмическая, синтаксическая, семантическая упорядоченности, а также способность архаизировать слова и их морфологические признаки выводят пословицы в статус авторитетных источников. Говорящему не требуется доказывать, оправдывать или подтверждать содержащееся в выкристаллизованной форме суждение: оно в этом не нуждается.

К.В. Чистов, занимавшийся проблемой фольклорных форм в устной речи, писал, что фольклорным жанрам свойственна определенная степень урегулированности, или структурированности [8]. Следовательно, каждое фольклорное высказывание, являясь «чужим высказыванием» [16 с. 7], обладает самоочевидностью. Однако особенность провербиального жанра заключается также и в том, что его авторитетность связана и с понятием «квантор общности», который был описан А.А. Крикманном [17 с. 153]. Хорошим примером, на мой взгляд, является дифференциация в школьной практике определенно-личных и обобщенно-личных предложений. Каждый восьмиклассник должен усвоить, что фразы «Пойдешь в кино?» и «Тише едешь – дальше будешь» относятся к разным видам односоставных предложений. При этом единственный критерий, служащий обоснованием для создания отдельного вида, – это потенциальное отнесение действия к любому лицу: «*Ты* пойдешь в кино?», но «*Каждый* тише едет...». Грамматическое оформление такого

признака, как квантор общности, или стремление к генерализации смысла, свидетельствует о том, что он (признак) артикулируем: на него указывают и ему обучают. Тем самым высказыванию, которое касается всех и каждого, оформленному при этом в лаконичной и по возможности упорядоченной форме, присуща авторитетность.

Авторы методических рекомендаций писали: «Употребляющий народную пословицу как бы говорит: “То, что я утверждаю, это не только мое мнение, но и мнение народа, это истина, установленная народом. Пословица не судима”» [18 с. 3]. Обращение к пословицам как к истинным суждениям востребовано. Красноречивыми высказываниями об истинности и народной мудрости паремий сопровождается большинство сборников. Их воспринимали и продолжают воспринимать как медицинскую справку, исторический документ, юридический акт или справочник правил поведения [19,20,21,22]. Избранные паремии участвуют в моральном воспитании школьника[4],[5]. Однако многоуровневая упорядоченность, лаконичность, квантор общности работают на их авторитетность, а не истинность. Б. Кершенблатт-Гимблетт замечает: «Форма пословицы усиливает этот эффект за счет того, что звучит так “правильно”. Четкая симметрия и остроумная сочетаемость звучания и значения, емкие формулировки логических отношений, искусно организованные повторы, структурный баланс и знакомые метафоры резервируют общие принципы и создают ощущение, что все, что звучит так правильно, должно быть правдой. <...> Но это не означает, что пословицы на самом деле устанавливают абсолютную правду» [24 с. 111]. Устои истинности и народности паремий не выдерживают выявленного феномена контрадикции, а именно наличия

[4] Будучи студенткой четвертого курса отделения «Отечественная филология», я проходила педагогическую практику в школе и должна была провести уроки, в том числе и по литературе. По счастливой случайности мне досталась тема по русским пословицам и поговоркам. При обсуждении плана урока учительница попросила меня привести примеры пословиц. Одна из них вызвала у нее негодование: *В волчьей стае по-волчьи вой*. Учительница рассказала о некой преподавательнице, которой не следовало по моральным принципам «по-волчьи выть». Мне дали понять, что эта пословица никоим образом не соответствует тем высоким требованиям, которые приписаны малым жанрам фольклора в школьном дискурсе. Шестиклассники должны быть воспитаны в среде правильной провербиальности.

[5] Стоит отметить, что в таких работах речь идет об избранных текстах, в набор которых не включаются, например, «заветные» пословицы. См., например, [23].

в «провербиальном пространстве» [25] антонимичных пословиц и поговорок[6].

В свете сложившейся и узаконенной рецепции пословиц как истинных суждений явление антонимии вызывает больший интерес: нельзя с уверенностью предположить, что обе стоящие в паре паремии (например, *Работа не волк – в лес не убежит* и *Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня*) в равной степени являются правдивыми. Г.Л. Пермяков писал, что так же, как и для слов и фразеологизмов, для устойчивых выражений характерны явления омонимии, синонимии и антонимии [6,26]. В дальнейшем наблюдения над провербиальным пространством сводились по большей части к описанию явления вариативности их формальной организации. Анализ этого свойства пословиц и поговорок проводился в разных исследованиях как в синхронном [4,27,28], так и в диахроническом [29] аспекте.

Е.В. Вельмезова в своих работах [30,31] исследует явление смысловой противопоставленности. Объяснения сводятся, во-первых, к противоречивости, свойственной самому коллективному менталитету, и, во-вторых, к происхождению паремий из разных социальных групп. Сама исследовательница придерживается той точки зрения, согласно которой явление *смысловой противоречивости пословиц* (“crossing of proverbs”) обусловлено существованием дескриптивных и прескриптивных устойчивых выражений, первые из которых описывают некое положение дел и поведение, а вторые – предписывают. Однако существует еще одно предположение, высказанное Д. Кремом и А. Тотне Литовкиной (на которых сначала ссылается Т.М. Николаева, а затем и Е.В. Вельмезова). Идея Д. Крема, дополненная в пересказе Т.М. Николаевой выводами отечественного исследователя Ю.И. Левина о провербиальном пространстве, основывается на том очевидном факте, что «в ментальном слое, к которому апеллирует пословица, нет противоречий в научно-логическом значении этого слова» [32 с. 155]. А. Тотне Литовкина обосновывает этот факт в ключе, близком моему подходу: «Будучи обобщением, пословица сама по себе не может быть определена как “истинная” или “ложная”. Люди выбирают пословицу в соответствии с ситуационными потребностями – а не в соответствии с их общим абстрактным смыслом» (цит. по [32 с. 155]).

В работе под красноречивым названием «Противоречат ли пословицы?»[7] К. Янках сводит предположение о существовании

[6] Кершенблатт-Гимблетт также связывает преувеличенность мнения о правдивости пословиц с явлением их смысловой противоречивости, уделяя больше внимания, однако, ситуативной контрадикции.

[7] “Do proverbs contradict?” [Перевод мой. – *А. Г.*]

антонимичных пословиц к «исследовательскому конструкту» (“scholarly construct”) [33]. Автор аргументирует свой тезис ключевой особенностью паремий, а именно функционированием в контексте. Существующие на бумаге устойчивые предложения, действительно, описывают некие культурные факты, которые могут противоречить друг другу, ставя под сомнение такую важную характеристику, как истинность. Однако, будучи речевым инструментом в достижении определенной цели, они (паремии) перестают ориентироваться на факты, так как принимают на себя функцию мнения, и категория истинности уже не ставится под сомнение. Идеи А. Тотне Литовкиной и К. Янкаха подтверждают тот факт, что суггестивная сила пословиц и поговорок «замораживает» способность слушающего оценивать предложенное высказывание в категориях истинность/ложность и лишь позволяет соглашаться с предложенным правдивым мнением или отвергнуть его. Стоит сравнить процитированную выдержку из «Методических рекомендаций...» с прямой речью предполагаемого лица, использовавшего паремию, в описании К. Янкаха: «Используя культурный трюизм, чтобы придать мнению весомость, говорящий, возможно, и в самом деле говорит своей аудитории: “Так... Если все вы принимаете приведенное в пословице суждение за непреложную истину, освещенную нашими отцами и ниспосланную нам, вы, возможно, также разделите и выдвинутую мной точку зрения”» [33 с. 133]. В обоих случаях можно увидеть апеллирование к устоявшемуся стереотипу: пословицы истинны. Думается, что когда-то созданный образ зеркала народной мудрости поддерживается за необходимостью осуществлять коммуникативные тактики.

Таким образом, «правильная» организация пословиц задает их авторитетность. Будучи «гласом народа», не требующим доказательств, в речи они звучат самодостаточно. Положение об их истинности тем не менее является мнимым. Контрадикция, существующая как в контексте употребления паремий[8], так и в провербиальном пространстве, обнаруживает ложность этого устоявшегося мнения. Однако авторитетность и мнимая истинность паремий являются необходимыми параметрами осуществления провербиального перформанса. Они служат коммуникативными константами провербиального жанра как системы.

---

[8] Это было убедительно описано, например, в статье Б. Кершенблатт-Гимблетт, где одна и та же пословица трактовалась по-разному в разных контекстах. См. [24].

Коммуникативные конвенции

Эпиграфом к известной и наиболее часто цитируемой в зарубежных паремиологических исследованиях работе Е.О. Аревы и А. Дандеса является высказывание одного студента из Нигерии: «Я знаю пословицы, но не знаю, как их использовать» [34 с. 70]. Суть этого замечания состоит в том, что употребление паремий может вызывать определенные трудности. Операция сопоставления элементов текста устойчивого выражения с элементами ситуации подразумевает «правила пользования паремиями», или коммуникативные конвенции.

Н. Барли отмечал, что раскрытие структурной семантики пословицы состоит в раскрытии связей, существующих между ее элементами. Так, леопард и пятна из пословицы *Леопард не может избавиться от своих пятен* задают некую смысловую схему, позволяющую проследить и создать такие же отношения между элементами внешней ситуации [35]. Другой исследователь, П. Сейтел, представил в своей статье [36] модель употребления пословиц. Он разделяет социальный контекст и ситуацию, где в контексте представлены говорящий и слушающий. Ситуация состоит из провербиальной и социальной ситуаций, в первой из которых описываются элементы собственно паремии, а во второй – элементы, по отношению к которым эта паремия употребляется. Исследователь отмечает, что характеристики участников коммуникации являются культурно обусловленными: возраст контрагентов, их пол и статус создают социальный контекст[9]. Важными культурными особенностями ("features") наделяются и элементы текста, при этом их сочетание в рамках одной паремии актуализирует лишь некоторые из них. Так, пословица *Тебе не следует отправлять ребенка выполнять мужскую работу*[10], противопоставляя статусы *ребенок* и *мужчина*, выявляет такие качества ребенка, как неспособность к взрослой деятельности. С другой стороны, пословица *Ребенок не может платить за молоко своей матери*[11] актуализирует отношения «ребенок–мать» и обосновывает его исключительность. Существование такой культурной обусловленности подтверждается тем, что у народа Игбо употребление паремии для ребенка / в присутствии ребенка происходит в форме обучения: взрослый

[9] Такая обусловленность была отмечена еще в статье Е.О. Аревы и А. Дандеса (1964). См. [34].

[10] You shouldn't send a child to do a man's work [Перевод мой. – *А. Г.*].

[11] A child cannot pay for its mother's milk [Перевод мой. – *А. Г.*]. Обе пословицы являются в источнике переводами с языка народа Игбо (юго-восточная Нигерия).

приводит в пример историю, где бы прослеживались логические связи в самой пословице и за ее пределами. Таким образом, знание пословицы подразумевает также и знание природы логических отношений, существующих между ее элементами. Без включения в культуру невозможно осознание этих связей и, как следствие, правильное употребление паремии. Провербиальный перформанс возможен, следовательно, при соблюдении определенных конвенций. Во-первых, знание логических отношений в пределах паремии и возможность экстраполировать эти отношения на внешнюю ситуацию. Культурная обусловленность элементов провербиального высказывания заключается в наличии формул, раскрытие которых составляет предмет семантического анализа. Во-вторых, доступ к пословицам и поговоркам определенным образом регулируется. Примеры других культур показывают, что прерогативой их употребления обладают лица старшего поколения.

Заключение

В данной работе провербиальные высказывания рассматриваются как речевые действия. Этот подход позволяет сделать выводы о том, как паремии проявляют себя в потоке спонтанной речи и какие признаки сигнализируют о том, что произошел провербиальный перформанс.

Таким образом, провербиальное высказывание можно определить как высказывание, представляющее собой замкнутое или незамкнутое предложение, поэтические принципы которого (метафоричность, параллелизм, ритм), а также квантор общности задают такие коммуникативные константы, как истинность и авторитетность. Именно эти признаки являются определяющими при восприятии высказывания как провербиального. В работе также обращается внимание на то, что, несмотря на необходимость наличия признака истинности для совершения провербиального перформанса, воспринимать паремии как истинные утверждения ошибочно. Коммуникативные конвенции употребления паремий составляют способность их логического и метафорического толкования и корреляции элементов пословицы с элементами внешней ситуации. К важным коммуникативным параметрам относятся также социальный статус, возраст и пол контрагентов, которые задают ситуацию употребления пословицы или поговорки.

Литература

1. *Аникин В.П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Учпедгиз, 1957. 240 с.
2. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат, 1957. 991 с.
3. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2000. 544 с.
4. *Жигарина Е.Е.* Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 251 с.
5. *Богатырев П.Г., Якобсон Р.О.* Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 369–383.
6. *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 235 с.
7. *Arora S.L.* The Perception of Proverbiality // Wise Words. Essays on the Proverb / Ed. by W. Mieder. New York; London: Garland, 1994. P. 3–29.
8. *Чистов К.В.* Устная речь и проблемы фольклора // Фольклор. Текст. Традиция: Сб. статей. М.: ОГИ, 2005. С. 52–67.
9. *Снегирев И.М.* Русские народные пословицы и притчи. М.: Индрик, 1999. 621 с.
10. *Вознесенский И.И.* О складе, или ритме и метре кратких изречений русского народа: пословиц, поговорок, загадок, присказок и др. Кострома: Губ. тип, 1908. 23 с.
11. *Даль В.И.* Напутное // Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат, 1957. С. 5–31.
12. *Ляцкий Е.А.* Несколько замечаний к вопросу о пословицах и поговорках. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1897. 38 с.
13. *Жовтис А.Л.* Стих в пословице // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития / Отв. ред. Л.И. Тимофеев. М.: Наука, 1985. С. 168–178.
14. *Тарланов З.К.* Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1999. 448 с.
15. *Дю Буа Д.В.* Самоочевидность и ритуальная речь // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 12. СПб., 1998. С. 198–223.
16. *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во СПбГУ: Амформа, 2004. 310 с.
17. *Крикманн А.А.* Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы // Паремиологические исследования: сборник статей / Сост. Г.Л. Пермяков. М.: Наука, 1984. С. 149–178.
18. Пословица недаром молвится: Об использовании фольклора в санитарно-просветительской работе. Методические рекомендации медицинским работникам и педагогам. Вологда: Б.и., 1992.
19. *Высоцкий Н.Ф.* Медицинские воззрения нашего народа в пословицах и поговорках // Исторический вестник. 1903. Т. 93. С. 232–241.
20. *Шейдлин Б.Я.* Москва в пословицах и поговорках. М.: Никитинские субботники, 1929. 76 с.
21. *Невзоров А.С.* Торговый оборот в пословицах русского народа. СПб.: Тип. Д.В. Чичинадзе, 1906. 35 с.
22. *Рождественский Ю.В.* О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст) / Сост., ред. и предисл. Г.Л. Пермякова. М.: Наука, 1978. С. 211–229.

23. *Вьеллар С.* Между нормой и отклонением: Русские пословицы и их обсценные варианты // Семиотика безумия: Мат-лы междунар. конф. / Под ред. Н. Букс. М.: Европа; Париж: Сорбонна. Русский институт, 2005. С. 73–84.
24. *Kirshenblatt-Gimblett B.* Toward a Theory of Proverb Meaning // The Wisdom of Many: Essays on the Proverb / Ed. by W. Mieder and A. Dundes. Madison (Wis.): Univ. of Wisconsin Press, 1994. P. 111–121.
25. *Левин Ю.И.* Провербиальное пространство // Паремиологические исследования: Сб. статей / Сост. Г.Л. Пермяков. М.: Наука, 1984. С. 108–126.
26. *Пермяков Г.Л.* О явлениях паремиологической омонимии и синонимии // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст) / Сост., ред. и предисл. Г.Л. Пермякова. М.: Наука, 1978. С. 244–249.
27. *Саввина Е.Н.* О трансформациях клишированных выражений в речи // Паремиологические исследования: Сб. статей / Сост. Г.Л. Пермяков. М.: Наука, 1984. С. 200–222.
28. *Бондаренко В.Т.* Устойчивые фразы в русской речи. Тула: Изд-во ТГПУ, 2011. 153 с.
29. *Благова Г.Ф.* Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М.: Вост. лит., 2000. 222 с.
30. *Вельмезова Е.В.* «Новые русские пословицы» и проблема смысловой противопоставленности паремий (crossing of proverbs) // Slavic Almanac. 2006. Vol. 12. № 2. С. 164–174.
31. *Вельмезова Е.В.* Проблема *истины* и *лжи* в противоположных по смыслу пословицах (на примере дескриптивных vs. прескриптивных русских паремий) // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Отв. ред. чл.-кор. РАН Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2008. С. 567–575.
32. *Николаева Т.М.* Загадка и пословица: социальные функции и грамматика // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст / Отв. ред. и авт. предисл. Т.М. Николаева. М.: Индрик, 1994. Т. 1. С. 143–177.
33. *Yankah K.* Do proverbs contradict? // Wise Words. Essays on the Proverb / Ed. by W. Mieder. New York; London: Garland, 1994. P. 127–142.
34. *Arewa E.O., Dundes A.* Proverbs and the Ethnography of Speaking Folklore // American Anthropologist. Vol. 66. №. 6. Part 2: The Ethnography of Communication. 1964. P. 70–85.
35. *Барли Н.* Структурный подход к пословице и максиме // Паремиологические исследования: Сб. статей / Сост. Г.Л. Пермяков. М.: Наука, 1984. С. 127–148.
36. *Seitel P.* Proverbs: A Social Use of Metaphor // The Wisdom of Many: Essays on the Proverb / Ed. by W. Mieder and A. Dundes. Madison (Wis.): Univ. of Wisconsin Press, 1994. P. 122–139.

References

1. Anikin VP. Russian People's Proverbs, Riddles and Children's Folklore. Moscow: Uchpedgiz Publ.; 1957. 240 p. (In Russ.)
2. Dal' VI. Proverbs of Russian People. Moscow: Goslitizdat Publ.; 1957. 991 p. (In Russ.)

3. Zhukov VP. Dictionary of Russian Proverbs. Moscow: Russkiy Yazik Publ.; 2000. 544 p. (In Russ.)
4. Zhigarina Ye.Ye. Modern Existence of Proverbs: Variability and Polyfunctionality of Texts: [dis...cand. filol. nauk]. Moscow, 2006. 251 p. (In Russ.)
5. Bogatyryov PG., Jakobson RO. Folklore as a Special Form of Art. In: Bogatyryov PG. *Questions of the Theory of Folk Art*. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1971. p. 369–83. (In Russ.)
6. Permyakov GL. Basics of Structural Paremiology. Moscow: Nauka Publ.; 1988. 235 p. (In Russ.)
7. Arora SL. The Perception of Proverbiality. In: Mieder W., comp. *Wise Words. Essays on the Proverb*. Coll. of articles. New York; London: Garland Publ.; 1994. p. 3–29.
8. Chistov KV. Oral Speech and Problems of Folklore. In: *Folklore. Text. Tradition*. Coll. of articles. Moscow: OGI Publ.; 2005. p. 57–67. (In Russ.)
9. Snegirev IM. Russian People's Proverbs and Parables. Moscow: Indrik Publ.; 1999. 621 p. (In Russ.)
10. Voznesensky II. About Rhythm and Meter of Short Phrases of Russian People: Proverbs, Riddles, Sayings, etc. Kostroma: Gub. tip Publ.; 1908. 23 p. (In Russ.)
11. Dal' VI. Introductory. In: *Proverbs of Russian People*. Moscow: Goslitizdat Publ.; 1957. p. 5–31. (In Russ.)
12. Latskiy EA. Some Remarks about Proverbs. St. Petersburg: tip. Imp. Akad. Nauk Publ.; 1897. 38 p. (In Russ.)
13. Zhovtis AL. Verse in Proverb. In: Timofeev LI., comp. *Russian versification. Traditions and problems of development*. Coll. of articles. Moscow: Nauka Publ.; 1985. p. 168–78. (In Russ.)
14. Tarlanov ZK. Russian Proverbs: Syntax and Poetics. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavodskogo gos. un-ta Publ.; 1999. 448 p. (In Russ.)
15. Du Bois JW. Self-evidence and Ritual Speech. In: *Kunstkamera. Ethnographic Notebooks*. Vol. 12. Saint Petersburg, 1998. p. 198–223. (In Russ.)
16. Adonyeva SB. Pragmatics of Folklore. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU: Amfora Publ.; 2004. 310 p. (In Russ.)
17. Krikmann AA. Attempt of Explanation of Some Semantical mechanism of proverbs. In: Permyakov GL., comp. *Paremiological studies*. Coll. of articles. Moscow: Nauka Publ.; 1984. p. 149–78. (In Russ.)
18. Proverb is not without Reason: About Using Folklore in Health Education. Guidelines to Health Workers and Teachers. Vologda: B.i.; 1992. (In Russ.)
19. Vysotsky NF. Medical Views of Our People in Proverbs. In: *Historical Vestnik*. 1903. Vol. 93. p. 232–41. (In Russ.)
20. Sheidlin B. Moscow in Proverbs. Moscow: Nikitinskie subbotniki Publ.; 1929. 76 p. (In Russ.)
21. Nevzorov A. Turnover in Russian Proverbs. Saint Petersburg: tip. D.V. Chichinadze Publ.; 1906. 35 p. (In Russ.)
22. Rozhdestvensky JV. About Rules of Talking according to Proverbs. In: Permyakov GL., comp. *Paremiological Collection. Proverb. Riddle (Structure, Sense, Text)*. Coll. of articles. Moscow: Nauka Publ.; 1978. p. 211–29. (In Russ.)
23. Viellard S. Between Norm and Deviation: Russian Proverbs and Their Obscene Variants. In: Buks N., comp. *Semiotics of Madness: materials on international conference*. Coll. of articles. Moscow: Evropa Publ.; Paris: Sorbonna. Russkii institute Publ.; 2005. p. 73–84. (In Russ.)

24. Kirshenblatt-Gimblett B. Toward a Theory of Proverb Meaning. In: Mieder W. and Dundes A., comp. *The Wisdom of Many: Essays on the Proverb*. Coll. of articles. Madison (Wis.): Univ. of Wisconsin Press Publ.; 1994. P. 111–21.
25. Levin JI. Proverbial Space. In: Permyakov GL., comp. *Paremiological studies*. Coll. of articles. Moscow: Nauka Publ.; 1984. p. 108–26. (In Russ.)
26. Permyakov GL. About paremiological homonymy and synonymy In: Permyakov GL., comp. *Paremiological Collection. Proverb. Riddle (Structure, Sense, Text)*. Coll. of articles. Moscow: Nauka Publ.; 1978. p. 244–49. (In Russ.)
27. Savvina EN. About Transformations of Set Phrases in Speech. In: Permyakov GL., comp. *Paremiological studies*. Coll. of articles. Moscow: Nauka Publ.; 1984. p. 200–22. (In Russ.)
28. Bondarenko VT. Set Phrases in Russian Speech. Tula: Izd-vo TGPU Publ.; 2011. 153 p. (In Russ.)
29. Blagova GF. A Proverb and Life: A Personal Corpus of Russian Proverbs in Historical-proverbial Perspective. Moscow: Vost. lit. Publ.; 2000. 222 p. (In Russ.)
30. Velmezova EV. "New Russian Proverbs" and a Problem of Semantic Crossing of Proverbs. *Slavic Almanac*. 2006;2:164–74. (In Russ.)
31. Velmezova EV. Problem of Truth and False in Contradictionary Proverbs (on the Example of Descriptive and Prescriptive Russian Proverbs). In: Arutunova ND., comp. *Logical Analysis of Language. Between False and Fantasy*. Coll. of articles. Moscow: Indrik Publ.; 2008. p. 567–75. (In Russ.)
32. Nikolaeva TM. Riddle and Proverb: Social Function and Grammar. In: Nikolaeva TM., comp. *Studies in the Field of Balto-Slavic Spiritual Culture. Riddle as Text*. Moscow: Indrik Publ.; 1994. Vol. 1. p. 143–77. (In Russ.)
33. Yankah K. Do proverbs contradict? In: Mieder W., comp. *Wise Words. Essays on the Proverb*. Coll. of articles. New York; London: Garland Publ.; 1994. p. 127–42.
34. Arewa EO., Dundes A. Proverbs and the Ethnography of Speaking Folklore. In: *American Anthropologist*. Vol. 66. Essue 6. Part 2: The Ethnography of Communication. 1964. p. 70–85.
35. Barley N. A Structural Approach to the Proverb and Maxim. In: Permyakov GL., comp. *Paremiological studies*. Coll. of articles. Moscow: Nauka Publ.; 1984. p. 127–48. (In Russ.)
36. Seitel P. Proverbs: A Social Use of Metaphor. In: Mieder W. and Dundes A., comp. *The Wisdom of Many: Essays on the Proverb*. Coll. of articles. Madison (Wis.): Univ. of Wisconsin Press Publ.; 1994. p. 122–39.

Информация об авторе

Анастасия А. Гавриленко, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9; bylavsmolence@gmail.com

Information about the author

Anastasiia A. Gavrilenko, postgraduate student, Saint Petersburg University, St. Petersburg, Russia; bld. 7–9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034; bylavsmolence@gmail.com